

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 18**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 18 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 302 с.

ISBN 978-5-458-04668-8

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04668-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Объ одномъ неразъясненномъ явленіи.

Въ психологіи, какъ, впрочемъ, и во всякой наукѣ, явленія повседневной жизни обыкновенно не возбуждаютъ духа изслѣдованія. Происходитъ это, повидимому, вслѣдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ того, что привычка къ повседневнымъ явленіямъ не даетъ мѣста особому вниманію къ нимъ и, во-вторыхъ, вслѣдствіе того еще, что при сложности этихъ явленій обыкновенно трудно разложить ихъ на отдѣльные ряды причинъ и дѣйствій. Первое объясняетъ тотъ историческій фактъ, что странныя, не подходящія подъ обыкновенный уровень явленія особенно часто служили толчкомъ для новыхъ изслѣдованій (такъ Юма на психологическія разысканія натолкнули чудеса на могилѣ аббата Пари, Дав. Штрауса—чудеса животного магнетизма и т. д.). Второе же даетъ ключъ къ пониманію причины такого переполненія книгъ и статей психологическаго содержанія фактами психіатрическаго характера, что зачастую чувствуешь себя при чтеніи ихъ какъ будто въ обществѣ умышленныхъ *). Причина этого переполненія вполне понятна: вѣдь всякія необыкновенныя положенія занимаютъ въ гуманитарныхъ наукахъ то мѣсто, которое принадлежитъ эксперименту въ наукахъ точныхъ. Поэтому то всѣ явленія, выступающія изъ обычнаго хода вещей, обыкновенно представляютъ богатый матеріалъ для новыхъ обобщеній и явля-

*) Психіатры „чистой крови“ полагаютъ даже, что „психопатологія должна служить важнѣйшимъ источникомъ для психологіи“. Крафтъ Эбингъ: Половая психопатологія. Харьковъ 1887, стр. II.

ются пробнымъ камнемъ для существующихъ теорій. Вслѣдствіе этого я и считаю возможнымъ обратить вниманіе читателя на одно, не часто встрѣчающееся, но выдающееся по своимъ особенностямъ явленіе, имѣющее не малое значеніе въ вопросѣ о психологическомъ характерѣ времени. Я говорю о необыкновенной медленности, съ какою протекаютъ для сознанія секунды въ моментъ передъ наступленіемъ какой-либо катастрофы.

Этотъ фактъ относится не къ той категоріи явленій, гдѣ нарушеннымъ является человѣческій разумъ при нормальности обычнаго порядка вещей, а къ той, гдѣ нарушается обычный порядокъ вещей при нормальности человѣческаго разсудка, и поэтому для психологіи представляетъ много болѣшую цѣнность, чѣмъ цѣлая масса психіатрическихъ фактовъ. Эта необыкновенно сильная замедленность теченія времени въ моментъ передъ наступленіемъ катастрофы представляетъ психологическій интересъ во многихъ отношеніяхъ и уже неоднократно фигурировала въ качествѣ доказательства или въ видѣ иллюстраціи для различныхъ психологическихъ теорій времени. Поэтому можно было бы ожидать, что само явленіе уже вполне разъяснено и не оставляетъ мѣста никакому недоразумѣнію. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Мнѣ кажется, что есть достаточно вѣскія основанія для отрицательнаго отвѣта.

Самое явленіе заключается въ томъ, что въ виду какой-либо опасности, наприм. передъ разрывомъ упавшей гранаты, въ головѣ человѣка въ теченіе нѣсколькихъ секундъ проходитъ «цѣлая жизнь» и эти нѣсколько секундъ растягиваются чуть не до размѣровъ нѣсколькихъ часовъ. Такъ какъ такія явленія сдѣлались уже общеизвѣстными, то я и не привожу подлинныхъ показаній: ихъ можно найти въ достаточномъ количествѣ даже въ общей литературѣ, наприм. въ военныхъ, охотничьихъ и иныхъ разсказахъ. Если не выходить изъ предѣловъ описанія факта и оставить въ сторонѣ полноту этого описанія, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, конечно, едва ли можетъ встрѣтиться недоразумѣніе при сколько-

нибудь добросовѣстномъ наблюдателѣ; другое дѣло—объясненіе замѣченнаго, безъ котораго однако же не можетъ существовать самаго знанія. Объясненія обыкновенно бываютъ предметомъ споровъ, ибо, по мѣткому замѣчанію Эпиктета, людей волнуютъ не дѣла, а сужденія о дѣлахъ. Объясненія же въ данномъ случаѣ обыкновенно основываются на количествѣ представленій, пробѣгающихъ черезъ сознаніе въ моментъ передъ катастрофой, т.-е., согласно этому мнѣнію, необыкновенно большое количество представленій раздвигаетъ размѣры протекающаго мгновенья. И это объясненіе прилагается не только профанами и къ естественнымъ явленіямъ, но и нѣкоторыми учеными и къ нѣкоторымъ искусственно вызываемымъ состояніямъ подобнаго же рода. Такъ, послѣ искусственнаго надавливанія шейныхъ артерій до потери сознанія, когда сознаніе возвращается, нѣсколько секундъ кажутся часами. Вотъ какъ описываетъ это состояніе д-ръ Флеммингъ: «какъ только давленіе прекращается, является ощущеніе спутанности мыслей, затѣмъ ощущеніе зуда въ тѣлѣ и черезъ нѣсколько секундъ сознаніе возвращается. *Умъ и воображеніе работаютъ необыкновенно дѣятельно, и нѣсколько секундъ кажутся часами вследствие количества и быстрой смѣны проходящихъ въ мозгу мыслей*» *). Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ количество представленій является объясняющимъ принципомъ, но, какъ мнѣ кажется, подобное объясненіе не можетъ быть допущено, а потому и пользоваться самимъ фактомъ ради тѣхъ цѣлей, для какихъ онъ теперь служить, представляется едва ли возможнымъ.

Главный недостатокъ существующаго объясненія заключается въ томъ, что количество впечатлѣній само по себѣ не служитъ причиною, вліяющею на размѣры текущаго времени. До сихъ поръ не доказано постоянство связи между количествомъ впечатлѣній и замедленнымъ теченіемъ вре-

*) Приведено у Карпентера: Основ. физ. ума, русскій пер. т. II, стр. 136. Такое же дѣйствіе производятъ и нѣкоторыя наркотическія вещества, какъ напр. опіумъ.

мени, и доказать этого нельзя, такъ какъ по крайней мѣрѣ добрая половина фактовъ подтверждаетъ противоположное, т.-е. что при богатствѣ впечатлѣній время протекаетъ не медленно, но быстро, чѣмъ при бѣдности ихъ. И эта вторая половина фактовъ настолько бросается въ глаза, что уже послужила основаніемъ для обобщенія, что богатство впечатлѣній само по себѣ является сократителемъ переживаемого промежутка времени, и наличность такого обобщенія должна ясно указывать, что количество представленій само по себѣ не можетъ служить объясненіемъ интересующаго насъ явленія. Конечно, какой нибудь принципъ, не составляя объясненія для цѣлой группы болѣе или менѣе однородныхъ явленій, все же можетъ объяснять какой либо отдѣльный случай изъ этой группы; но въ такомъ случаѣ на него не можетъ быть простой ссылки, а требуется специальное доказательство, что для даннаго случая онъ именно и является искомою причиной. Однако по отношенію къ интересующему насъ предмету до сихъ поръ никѣмъ не было сдѣлано замѣчанія, что онъ настолько разнится отъ остальныхъ случаевъ замедленія времени, что его нельзя включать въ общую категорію явленій; совсѣмъ даже напротивъ: обыкновенно его разсматриваютъ только какъ наиболѣе интенсивную форму случаевъ, повторяющихся постоянно, но только не съ такимъ рѣзкимъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе мы не обладаемъ никакимъ специальнымъ доказательствомъ, что причина замедленія теченія времени въ моментъ передъ наступленіемъ катастрофы заключается именно въ количествѣ представленій, вызываемыхъ этимъ моментомъ, въ противоположность другимъ случаямъ, гдѣ количество представленій оказываетъ обратное дѣйствіе, и даже именно этотъ случай обыкновенно приводится въ качествѣ доказательства общаго свойства количества представленій раздвигать размѣры текущаго момента. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ недоразумѣній, какъ мнѣ кажется, и нельзя остановиться на общепринятомъ объясненіи явленія, а слѣдуетъ найти болѣе согласующееся съ природою вещей.

Такимъ мнѣ представляется объясненіе, основанное на фактѣ мучительности психическихъ состояній передъ наступленіемъ катастрофы. Что мучительность сама по себѣ служить причиною замедленія теченія времени, эта истина, какъ мнѣ кажется, совершенно не можетъ быть оспариваема. Тотъ фактъ, что какъ въ случаяхъ чисто-физическихъ страданій, наприм. во время мучительныхъ операцій, такъ и при разнаго рода значительныхъ нравственныхъ потрясенійхъ, время тянется нестерпимо долго,—секунды кажутся часами,—установленъ настолько прочно, что едва ли допускаетъ возможность сомнѣнія въ немъ. При этомъ достаточно хорошо замѣчено, что большое количество впечатлѣній отнюдь не необходимо для полученія разсматриваемаго эффекта, ибо, по справедливому замѣчанію Г. Спенсера, «даже сравнительно-монотонное состояніе сознанія кажется долгимъ, когда оно бываетъ очень интенсивно, какъ на примѣръ то время, въ продолженіе котораго человѣкъ испытываетъ мучительную боль, или тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго человѣкъ находится въ нетерпѣливомъ ожиданіи чего-нибудь и кажущаяся длина котораго отмѣчена въ народной поговоркѣ: «горшокъ, на который смотрятъ, никогда не закипитъ» *). Изъ этого, конечно, достаточно ясно видно, что мучительность извѣстныхъ состояній можетъ служить объясняющимъ принципомъ для даннаго случая; но возможно доказать, что она не только можетъ его объяснить, а и дѣйствительно вполне объясняетъ, т.-е. что замедленіе теченія времени въ моментъ передъ наступленіемъ какой-либо катастрофы обусловливается мучительностью этого момента.

Что обыкновенно наблюдается въ сознаніи въ моментъ передъ наступленіемъ катастрофы? Во-первыхъ, чувство страха передъ нею, ибо она грозитъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для человѣка несчастій—лишеніемъ жизни; во-вторыхъ, сознаніе большей или меньшей неотразимости ея

*) *Гербертъ Спенсеръ*: Основ. психологіи.—Русскій пер., т. I стр. 224.

наступленія. Эти два обстоятельства, какъ мнѣ кажется, и составляютъ специфическую особенность всего душевнаго состоянія въ указанный моментъ; всѣ же остальные явленія, какъ наприм. большое количество представленій, бывають или слѣдствіями этихъ двухъ, или просто сопровождающими обстоятельствами.

Страхъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, всегда составляетъ мучительное состояніе, а въ тѣхъ случаяхъ, которыя мы разсматриваемъ, онъ достигаетъ очень большихъ размѣровъ, а потому и мученіе, доставляемое имъ, становится очень интенсивнымъ. Поэтому-то душевное состояніе передъ наступленіемъ катастрофы бываетъ обыкновенно нестерпимомучительнымъ, и вслѣдствіе этого человѣкъ страстно жаждетъ его прекращенія. Между тѣмъ направить свою дѣятельность на устраненіе грозящаго событія человѣку мѣшаетъ сознаніе его неустрашимости, да сверхъ того и страхъ, достигая извѣстной интенсивности, не только не увеличиваетъ нашей силы, но прямо парализуетъ ее *), вслѣдствіе чего образуется второе условіе, задерживающее дѣятельность человѣка. Поэтому мучительное чувство не только не ослабляется отвлеченіемъ вниманія отъ грозящаго событія, но еще усиливается сознаніемъ его неустрашимости, и страхъ достигаетъ высшей своей степени—ужаса **). Вотъ вслѣдствіе подобнаго скопленія мучительнаго чувства безъ возможности разрѣшиться ему по какому-либо иному пути, создается такое состояніе, когда человѣкъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ наступленія грозящаго ему событія ради прекращенія мучительности его ожиданія. Это должно происходить совершенно аналогично съ тѣмъ случаемъ, который носитъ названіе «храбрости отчаянія», ибо и здѣсь отчаяніе, являющееся на высшихъ ступеняхъ страха, заставляетъ въ концѣ концовъ ити прямо на встрѣчу обстоятельству, вызывающему его ***). Въ анализируемомъ же случаѣ

*) Объ этомъ см. эту же *Моссо*: Страхъ. (Русскій пер.).

**) Ср. *L. Dumont*: *Théorie Scientifique de la sensibilité*. Paris 1881, p. 147.

***) Ср. *Гѣфдингъ*: *Очерки психологіи*, стр. 272—3. *Спиноза* рассматри-

представляются наиболѣе благопріятныя условія для особенно сильнаго замедленія теченія времени, такъ какъ здѣсь вниманіе сосредоточено на моментѣ его разрѣшенія, причемъ послѣднее ожидается въ каждый наступающій моментъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно наступаетъ чрезъ болѣе или менѣе значительное число такихъ моментовъ, когда «цѣлая жизнь» успѣетъ промелькнуть въ головѣ человѣка. Такое несовпаденіе ожидаемаго и дѣйствительнаго, само собою разумѣется, съ необходимостью должно повести къ иллюзіи о нестерпимо долгомъ промежуткѣ времени между началомъ и концомъ катастрофы, совершенно такъ, какъ это наблюдается во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, наприм. при ожиданіи друга и т. д. *). Такимъ образомъ, *причину необыкновенно сильнаго замедленія теченія времени въ моментъ передъ наступленіемъ катастрофы слѣдуетъ видѣть не въ обиліи представлений въ этотъ моментъ, а въ необыкновенной его мучительности.*

Однако же, давая подобное объясненіе разсматриваемому мною явленію, я очень далекъ отъ того, чтобы считать вопросъ этотъ совершенно исчерпаннымъ и не оставляющимъ мѣста для возраженій. Но пока такова судьба всѣхъ объясненій, даваемыхъ сложнымъ психическимъ состояніемъ и явленіямъ, такъ какъ ожидать математически точныхъ доказательствъ въ этой области совершенно невозможно: хорошо уже и то, если объясненіе устанавливаетъ связь между объясняемымъ явленіемъ и цѣлою группой сродныхъ ему явленій, повторяющихся постоянно, хотя и не въ столь поразительной формѣ. Но здѣсь имѣется еще специальная трудность для объясненія,—трудность, проистекающая изъ недостаточно полныхъ и подробныхъ описаній всѣхъ явленій, совершающихся въ душѣ въ моментъ передъ катастрофой; да мудрено и ожидать ихъ въ виду исключительности

ваетъ отчаяніе какъ высшую степень страха. См. „Этика“ пер. Иванцова, стр. 167.

*) Ср. J. Sully: Les illusions. Paris 1883, p. 180; сравни также вышеприведенное мѣсто изъ „Осн. псих.“ Спенсера.

положенія. Во всякомъ случаѣ, было бы желательно,—и, вѣроятно, не для одного меня,—чтобы тѣ изъ читателей «Вопросовъ Философіи и Психологіи», которые сами пережили подобныя исключительныя положенія (мнѣ этого не пришлось), по возможности полно возстановили картину душевной жизни въ такое время. Особенно темнымъ, совершенно неописаннымъ и въ то же время крайне важнымъ для всего вопроса является здѣсь отношеніе между интенсивностью чувства страха и мучительнымъ сознаниемъ возможнаго несчастія: которое изъ нихъ больше? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ ключъ къ пониманію всего явленія и быть можетъ тогда окажется, что отдѣльные случаи описываемаго явленія далеко разнообразнѣе, чѣмъ было принято думать до сихъ поръ.

Если чувство страха не настолько интенсивно, чтобы пересилить мучительность сознанія грозящей бѣды, то слѣдуетъ ожидать, что время пройдетъ неожиданно скоро; если чувство страха настолько интенсивно, что совершенно подавляетъ эту мучительность, то слѣдуетъ ожидать, что время покажется необыкновенно длиннымъ,—и это, какъ мнѣ кажется, только наиболѣе бросающійся въ глаза, а потому и полнѣе описанный, но отнюдь не единственный случай. Наконецъ, быть можетъ, возможны и такіе случаи, когда оба эти чувства приблизительно равны и вслѣдствіе этого, согласно извѣстному психологическому закону, принимаютъ колеблющійся характеръ, попеременно вытѣсня другъ друга изъ сознанія. Въ такихъ случаяхъ и время должно идти для нашего сознанія то необыкновенно быстро, то необыкновенно медленно. Дѣло наблюденія, конечно,—показать, насколько согласуются эти предположенія съ дѣйствительно происходящимъ. Пока я имѣю только одно подтвержденіе справедливости ихъ, но это свидѣтельство не безусловное и въ лучшемъ случаѣ можетъ претендовать только на «художественную правду», а не на характеръ прямого показанія дѣйствительности, хотя и принадлежить Чарльзу Диккенсу. Оно заключается въ описаніи

нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ тюрьмѣ передъ смертною казнью евреемъ Фэгинымъ, — однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ «Оливеръ Твистъ». Вотъ это описаніе съ небольшими пропусками. «Затѣмъ наступила ночь — темная, мрачная, безмолвная ночь. Другіе люди, проводя ночь безъ сна, рады бывають, когда часы бьютъ на церковныхъ башняхъ, потому что этотъ бой говорить имъ о приближеніи дня. Но Фэгина этотъ бой приводилъ въ отчаяніе. Въ каждомъ ударѣ глухо звучало одно слово: «Смерть». *День прошелъ... день?! — да его и не было: онъ окончился тотчасъ же, какъ только наступилъ, — и опять настала ночь, — ночь такая домая, и, въ то же время, такая короткая, —* долгая по своей страшной тишинѣ, и короткая по своимъ быстро проносящимся часамъ. Ночь съ субботы на воскресенье; ему осталось жить только одну еще ночь. Пока онъ думалъ объ этомъ — разсвѣло и настало воскресенье. Только ввечеру этого послѣдняго ужаснаго дня въ его измученной душѣ проснулось во всей силѣ сознаніе полной безпомощности и отчаянности его положенія. Онъ сидѣлъ все время съ раскрытыми глазами, но въ забытіи. Теперь онъ вскакивалъ каждую минуту и, задыхаясь, весь въ огнѣ, принимался бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ въ такомъ пароксизмѣ страха и бѣшенства, что даже сторожа, привыкшіе къ подобнымъ сценамъ, пятились отъ него въ ужасѣ. Онъ прилегалъ на свою каменную постель и сталъ думать о прошломъ. Восемь, девять, десять... То не былъ обманъ придуманный, чтобы напугать его. То настоящіе часы слѣдовали другъ за другомъ по пятамъ. Гдѣ-то онъ будетъ, когда часовая стрѣлка снова совершитъ свой оборотъ? Одиннадцать? *И новый часъ пробилъ прежде, чѣмъ успѣлъ замереть бой предыдущаго».* Послѣ всего сказаннаго выше, я считаю излишнимъ комментировать это описаніе. Если подчеркнутыя слова не брошены на вѣтеръ, то, какъ мнѣ кажется, Диккенсъ даетъ картину, вполне согласную съ изложенною теоріей...

Что же касается до такихъ искусственныхъ пріемовъ за-

медленія теченія времени, каковъ приведенный въ началѣ настоящей замѣтки опытъ д-ра Флемминга, то я думаю, что и здѣсь причина замедленія времени скорѣе должна заключаться въ томъ чувствѣ безпокойства, которое обыкновенно сопровождаетъ хотя бы самое легкое головокруженіе, чѣмъ въ количествѣ и быстрой смѣнѣ представленій. Однако входить здѣсь въ детальный разборъ этого явленія было бы неумѣстно, тѣмъ болѣе, что къ нему примѣняется все сказанное ранѣе по вопросу о замедленіи теченія времени въ моментъ передъ наступленіемъ катастрофы, и читатели, поэтому, подробный анализъ всего явленія могутъ сдѣлать уже сами.

Николай Маринъ.
